

Глава 32. Два письма.

Фёдор Баглаевич Кубаров заметно сдал за последнюю зиму. Лучше всякого другого понимал это он сам. Не тянет больше на люди, всё реже приходит охота порассказать молодёжи о старине, о знаменитых бегунах и разбойниках. Трубка душит, бывает, за полчаса никак не откашляться, кол стоит в груди. Ещё недавно старый Левин любил пошутить над ним: спать слишком любишь. А нынче он и спать разучился. Ночь напролёт таращит глаза в темень, ворочается с боку на бок — как тот человек, что, по пословице, съел глаза вороны. До чего дошло — кровати своей бояться стал. Вспомнит днём о ночных муках — и душой затоскует. Сегодня проснулся среди ночи, промаялся часов до шести, петухи во тьме открячали, плюнул в сердцах и отправился в школу.

В учительской, ещё не топленной, холод собачий. Угол комнаты, как раз у директорского стола, покрылся снежным налётом. Никогда такого не было в прошлые годы, всё на свете пошло наперекосяк! Если так же промёрзло и в классах, просто беда...

Фёдор Баглаевич взял указку, стал соскребать иней со стены, но вдруг почувствовал — если сейчас не присядет, свалится с копыт долой. И вот сидит он в своём директорском закуте, без мыслей, едва шевелясь, прочищает проволочкой старую трубку. Эх, как всё неладно, всё не так! Вчера он с Тимиром Ивановичем поссорился — впервые за многие годы. Про иные школы только и слышишь: директор с завучем на ножах. А вот Фёдор Баглаевич, не задумываясь, во всех случаях охотно уступал Пестрякову первенство — и разве кому худо от этого? Все годы их обоих ставят в пример другим. А вчера повздорили.

Фёдор Баглаевич так Пестрякову и сказал: хватит с Аласова и явных грехов, зачем напраслину на человека вешать? Подписываться под письмом не стал. За всю многотрудную жизнь никого он ещё под суд не подводил. Господи, как они тихо да мирно, как беззаботно жили до нынешней зимы — слеза навёртывается, как вспомнишь. Воды не взбалтывая, травы не шевеля... Вот беда-то пришла! Недаром милый наш питомец Серёжа Аласов однажды приснился в виде филина — глаза вытаращены, нос крючком. Чего бы ему, и в самом деле, не перебраться в Бордуолахскую школу? То-то тихо стало бы опять!

Аласов плох, плох — не получилось бы у тебя, старик, как у того несчастного из побасенки: все вокруг проходимцы, только мы с собакой умницы. И с этими поругался, и с теми. Почему? Со всеми хотел в мире жить — вот почему.

Нет, Фёдор Баглаевич, ты верно поступил, не подписав доноса. Пусть на душе черно, как в этой прокуренной трубке, но ты верно поступил.

Ага, уже и народ собираться стал. Хлопнула дверь за перегородкой. Тимир Иванович Пестряков — по шагам узнаю. Разделся, кресло двигает. Обычно,

поставив портфель на стол, завуч заходит к директору перекинуться словом-другим. Сегодня не заглянул, презрел. Ох-хо-хо, горе моё горькое. А в чём я виноват? Ну и чёрт с тобой, очкастый! Ты сиди, и я сидеть буду. Ещё хлопнуло.

— Доброе утречко! — (Это Кылбанов.) — Знаете, Тимир Иванович, случайно нашёл дома уголовный кодекс...

Будто захлопнул рот, — видимо, завуч показал на перегородку. Зашушукались, зашелестели. Подбирают, по какой статье сподручнее упечь Аласова. Вошла Пестрякова со своим «здравствуйте», шептуны замолчали. Оказывается, у Тимира Ивановича и от жены секреты.

За каждым стуком двери — новые голоса, и всяк на свой манер. Человека можно понять уже по тому, как он здоровается.

«Здрав...» — прошелестел Сосин, шагов его вовсе не слышно — ходит в меховых унтах.

«Всем привет!» — это Сектяев. Небось даже вскинул руку в приветствии. Вот кому время пошло на пользу — был тише мышонка, а сейчас голосистый стал.

«Доброе утро!» — звонкий голосочек Саргыланы. Наверно, как всегда, пришли вдвоём, хозяйка и постоянлица. Майя, похоже, только головой кивнула? Что с бедняжкой?

У всякого своё. Эх-хе-хе! Сектяев расцвёл. Майя сникла. Нахов вроде сил набрался, а Степанида даже краситься перестала. Чудеса!

«Фрр... Эхма... мор-розьяка, чёрт его подери! Что же творится, товарищи дорогие». Ввалился Нахов — с громом-стуком, будто вязанку дров внесли и бухнули на пол. Каждое утро Фёдор Баглаевич слышит его рык и всё никак не привыкнет. Нахов проревёт своё «здравствуйте», а директору слышится — «Негодяй!».

— Товарищи, дорогие, ещё двадцать минут до звонка... Попрошу немного внимания. — Нахов похлопал в ладоши. — Фёдор Баглаевич, вы у себя? Покажитесь, будьте добры.

Немного поколебавшись, директор вышел в общую комнату.

Нахов держал в поднятой руке несколько исписанных листков.

— Фёдор Баглаевич, Тимир Иванович... Я написал письмо в одну из вышестоящих организаций... Изложил свои соображения о недостатках учебно-воспитательной работы в нашей школе... Также и насчёт обмана государства, погони за процентами... О зажиме критики и преследовании товарищей... В общем, всё как есть. Персонально в этом виноваты вы, директор и завуч. Я так и пишу...

Тимир Иванович смотрел на Нахова как на сумасшедшего.

— Странная речь! Если вы задумали жаловаться, то почему бы не делать это по-людски?

— То есть за вашей спиной? Презираю жалобы за спиной!.. Кстати, у меня не жалоба, а вполне законные требования, которые я не однажды излагал... Прошу товарищей прочесть письмо. Может, кое-кто захочет поставить и свою подпись.

Словно пружиной вытолкнутый со своего стула, завуч вскочил, сверкнул очками и скрылся за дверью.

Листки пошли по рукам. Кто-то фыркнул, читая, кто-то вышел из учительской — от греха. Саргылана пробежала текст, покраснела, изумлённо посмотрела на директора, словно видела его впервые. И подписала.

Сосин, когда листки дошли до него, замахал руками, будто творил крёстное знамение против нечистой силы.

С презрением отвернулся Кылбанов: «Я с доносчиками не имею ничего общего». Фёдор Баглаевич, несмотря на двусмысленность своего положения (письмо-то против него подписывали), не удержался от улыбки: «Ха, Кылбанов клюв о кочку вытирает. Он, оказывается, доносов не терпит».

Подписалась Майя Унарова. Евсей Сектяев будто наградной лист подмахнул. Стёпа подписала, но заметила при этом: «Местами слишком уж дипломатии много, покрепче надо бы! Это первая ваша жалоба, Нахов? Ну ничего. Поднатореете, будете писать не хуже Кылбанова».

«Ах ты, Стёпа, вот ты какая! — подумал Кубаров о девушке, с которой ещё недавно любил пошутить. — И ты меня не пожалела...»

— А почему мне не даёте? — вдруг послышался голос Надежды Алгысовны. — Или я не член коллектива?

Нахов смешался, забормотал в растерянности:

— Да, пожалуйста... Да мы что ж...

Надежда Алгысовна взяла листки, лишь скользнула по ним взглядом и подписала. Директор глазам своим не поверил.

Да и Нахов движение сделал остановить её:

— Вы бы почитали. Там ведь...

— Ничего, — оборвала его Надежда Алгысовна, щеки её пылали. — Ничего, всё верно.